

В белорусское «Сколково» – Парк высоких технологий (ПВТ), который предоставляет значительные льготы для инвесторов, – так же пришло несколько российских компаний, занимающихся разработкой программного обеспечения.

У этой проблемы есть еще один существенный аспект. Он связан с новыми возможностями для бизнеса из *третьих* стран, который будет устремляться в привлекательные юрисдикции ТС. А это могут быть *крупные* инвестиции. Ведь условия ТС и ЕЭП позволяют беспрепятственно перемещать товары по территории всех входящих в него стран, неза-

висимо от места юридической регистрации. Поэтому нет необходимости переплачивать налоги, регистрируя компании в тех странах, где ведется основная деятельность. Иными словами, иностранная компания, работающая в России, может быть инкорпорирована в Казахстане, который будет получать соответствующие бонусы от такой схемы.

Все эти меры стран-участниц ТС еще острее ставят перед Россией задачу не только принципиально улучшить свой бизнес климат, но и гармонизировать налоговую политику и другие правила игры в бизнесе в рамках ЕЭП в целом.

Поступила в редакцию 12 сентября 2011 г.

Т.В. Соколова

Институт экономики РАН, Москва

Модернизация на постсоветском пространстве: социальный ракурс

Социальным аспектам развития постсоветского пространства уделяется неоправданно мало внимания. Вот и сейчас поиски решения задач модернизации национальных хозяйственных механизмов идут в основном в экономической плоскости. Вместе с тем анализ реальных социально-экономического ландшафта региона показывает, что пределы и возможности модернизации экономик постсоветского типа определяются далеко не в последнюю очередь социальными факторами.

Основные индикаторы социального развития государств СНГ показывают, что постсоветский регион сейчас представляет собой четко выраженную зону социального неблагополучия и нестабильности (см. таблицу).

В Кыргызстане и Таджикистане доходы ниже величины прожиточного минимума имеют от 35 до почти 50% населения, в Молдове, Армении и Украине – около 25%, в Беларуси, Казахстане, России и Азербайджане – от 5 до 16%. По данным социологических опросов, субъективный уровень бедности в России (42,2%) и Украине (41,7%) в 1,5–2 раза превышает официальный показатель живущих за чертой бедности.

Продолжает углубляться дифференциация населения по доходам. Сейчас коэффициент неравенства доходов Джини наиболее высок в России (0,42) и Молдове (0,38). Промежуточное положение занимают Азербайджан (0,34) и Кыргызстан (0,33). Заметно ниже значение данного коэффициента в Армении (0,31), более успешном с точки зрения результатов реформ Казахстане (0,31),

а также в Украине (0,28) и отличающейся сильным государственным регулированием экономики Беларуси (0,27).

В начале 2011 г. общее число безработных в СНГ, определяемое по методологии Международной организации труда (МОТ), оценивалось Статкомитетом СНГ в 9,2 млн человек, или 6,7% численности экономически активного населения региона. Страновой разброс значений этого показателя весьма значителен: от 5,5% в Казахстане до 18,7% в Армении. Азербайджан и Украина отличаются высоким удельным весом безработных с высшим образованием – около 40%. Население постсоветских государств крайне болезненно воспринимает ситуацию на рынке труда. Даже в относительно благополучном Казахстане 63% респондентов обеспокоены угрозой безработицы, 76,2% не уверены, что смогут найти работу в случае ее потери (ИПР, 2010, с. 7).

На постсоветском пространстве фактически исчерпан потенциал квалифицированных специалистов и грамотных управленческих кадров, необходимых для модернизации. Значительная часть высококвалифицированных работников вынуждены работать не по специальности, многие – за пределами родной страны. Вклад «креативных» (построенных на творческом труде) отраслей в экономику развитых стран составляет, по разным методикам расчета, от 25 до 35%, а в России, по самым оптимистичным оценкам, – не превышает 13% (Кузьминов, 2011). Аналогичная ситуация и в других странах СНГ.

Таблица
Социальные показатели развития стран СНГ

Страна	ВВП на душу населения по ППС (долл.), 2010 г.	Уровень безработицы**, % рабочей силы, 2010 г.	Коэффициент неравенства доходов Джинни, 2008 г.	Удельный вес населения, находящегося за чертой бедности (с доходами ниже величины прожиточного минимума), 2009 г.
Азербайджан	10 033 [*]	5,9	0,34	15,8 ¹
Армения	5 110	18,7	0,31	26,5
Беларусь	13 909 [*]	0,7 ^{***}	0,27	5,4
Казахстан	12 603	5,5	0,31 ²	12,7 ²
Кыргызстан	2 248 [*]	8,4	0,33 ²	35,0 ²
Молдова	3 083 [*]	6,5	0,38	25,8 ²
Россия	15 837 [*]	7,2	0,42	13,4 ²
Таджикистан	1 935 [*]	11,5	...	47,2
Туркменистан	6 785 [*]	...	...	...
Узбекистан	3 039 [*]	0,2 ^{***}	...	...
Украина	6 712 [*]	8,0	0,28	28,1 ³

Источники: Исполнительный комитет СНГ, 2011; Статкомитет СНГ, 2008, с. 153; 2009, с. 173; TransMONEE Database, 2011; World Bank, 2011; World Economic Outlook Database, 2011.

* Оценочные данные.

** По методологии МОТ (включая численность ищущих работу самостоятельно – без обращения в службы занятости).

*** Только зарегистрированные безработные.

¹ 2008 г.

² 2007 г.

³ 2006 г.

Средняя заработная плата в СНГ чрезвычайно низкая – от 100 долл. США в Таджикистане до 600–780 долл. США в Казахстане и России. Например, в Украине и Польше при одинаковой нагрузке или аналогичной производительности труда уровень зарплат в некоторых сферах деятельности отличается в 5–10 раз (Глазьев, 2005, с. 12).

Попытки переломить ситуацию на рынке труда региона имеют фрагментарный характер. Так, в Казахстане стартовала Программа занятости–2020, в которой акцент впервые смещен с выплаты пособий безработным в сторону выделения им целевых грантов для получения соответствующей требованиям рынка квалификации. И, по оценкам казахских экспертов, к 2020 г. доля высококвалифицированной рабочей силы здесь может увеличиться до 50% (Можарова, 2011).

В регионе ощущается явный дефицит политических и общественных сил, осознанно заинтересованных в модернизации. По некоторым оценкам, в России «модернизационное ядро» формирует только треть населения (ВЦИОМ, 2010), по другим данным, – максимум 20–25% россиян (Гонтмахер, 2010). Как ни пара-

доксально, наиболее консервативными оказываются слои общества со средним и выше среднего уровнем жизни. В России в группе с самыми высокими доходами соотношение «перемены – стабильность» составляет 31 против 62%, а среди наименее материально обеспеченных россиян – 42 против 47%. Значительную часть наемных работников перемены пугают, поскольку уже имеется негативный опыт предшествующих лет. Кроме того, они не видят реальных каналов повышения своей конкурентоспособности на рынке труда и занимают пассивно-выжидательную позицию, предпочитая «синицу в руках» (Бызов, 2010).

Крупный бизнес, как правило, реализует бизнес-проекты за рубежом; мелкий и средний бизнес чаще всего «сращен» с местными и региональными властями и, следовательно, заинтересован в сохранении существующей ситуации. И фактически в модернизации сейчас может быть заинтересована лишь часть элиты, не получившей или лишившейся доступа к власти и доходам, но эта часть элиты заинтересована скорее не в реформах, а в перераспределении власти в рамках прежней парадигмы развития (Садовая, 2010, с. 62).

Таким образом, в СНГ для предстоящей модернизации нет прочной социальной базы. Доверие населения к проводимым преобразованиям исчерпано, отсутствует столь необходимый для любых радикальных преобразований драйв, веры в успех модернизации нет. Причин здесь несколько.

Во-первых, за 20 лет непрерывных попыток реформ в постсоветском обществе накопилась явная усталость. Неудачный старт реформ в начале 1990-х годов истекшего столетия подорвал и без того хрупкий кредит доверия населения к преобразованиям. «Шлейф» ощущения социальной несправедливости (прежде всего от результатов приватизации) тянется вот уже на протяжении почти 20 лет, оставляя за собой негативный след в общественном сознании.

Во-вторых, ни одному постсоветскому государству так и не удалось запустить механизм вертикальной социальной мобильности – «социальный лифт». Между тем согласно социальной теории существует прямая взаимосвязь между возможностями вертикальной мобильности для широких слоев и групп населения, с одной стороны, и оценкой ими справедливости наличного социального устройства, – с другой (Дискин, 2003, с. 20).

В-третьих, социальные издержки реформ многократно превысили запас как материальной, так и эмоциональной прочности «старого» среднего класса, и не позволили упрочить свои позиции «новому», который должен был стать центральным стабилизирующим звеном постсоветского гражданского общества. Однако сейчас доля среднего класса в общей численности населения незначительна: максимум 12–15% в Украине и 15–20% в России и Беларуси (Соколова, 2010, с. 211; Макеев, 2011).

И, наконец, отсутствует внятная информационная политика. В результате от модернизации ждут, главным образом, дополнительных социальных благ, а не развития инновационной экономики. По данным опросов Левада–Центра, для 63% россиян решение социальных проблем имеет более высокий приоритет по сравнению с развитием новых технологий (их поддерживает только 21% респондентов). При этом треть россиян по-прежнему ничего не знает о модернизации, хорошо знакомы с проектом лишь 10% (среди москвичей – 28%), половина россиян что-то слышали об этом, но не могут сказать ничего конкретного (Левада–Центр, 2010, 2011). Очевидно, сначала «...предстоит преодолеть общий неблагоприятный социокультурный фон, выражающийся, например, в пассивности и недоверии

к реформам» (Лапин, 2011) и, как следствие, в отстраненности населения от самой идеи модернизации.

Особенности социального рельефа постсоветского пространства не позволяют быстро, тем более фактически с нуля, выстроить прочный фундамент модернизации. Нельзя начать с экономической модернизации, отложив далеко «на потом» социальные и политические реформы. В противном случае возникнет своего рода «ловушка»: отсутствие экономической модернизации надолго отложит запуск социальной, а без последней проблематично будет запустить на полную мощь механизм экономической модернизации. С учетом исторической и социально-экономической специфики СНГ, возможно, был бы приемлем несколько модифицированный алгоритм действий – например чередование экономических и социальных приоритетов. Удачный запуск процесса формирования среднего класса и гражданского общества обеспечил бы запрос на социально-политическую модернизацию «снизу» и требуемое широкое «соучастие» в ней значительной части населения.

Опыт СНГ убеждает, что любая конструкция экономических реформ буквально «провисает», если в ней отсутствует надежный социальный каркас: 1) необходимый запас социальной прочности (доверие) населения; 2) осознанная готовность граждан идти на неизбежные жертвы (снижение уровня жизни, увеличение риска безработицы и т.п.); 3) четкая выстроенная система государственной социальной поддержки.

Литература

- Бывов Л.** (2010). Модернизация – российский вариант (тезисы к программе исследования). [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.socpolitika.ru/rus/social_policy_research/discussion/document12507.shtml, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 11.06.2011).
- ВЦИОМ** (2010). Социальный потенциал модернизации в Южном федеральном округе. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=515&uid=13405>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 10.05.2011).
- Глазьев С.Ю.** (2005). Очередной «клон» правительственных рыночных фундаменталистов // *Российский экономический журнал*. № 2.
- Гонтмахер Е.Ш.** (2010). Модернизация России. Позиция ИНСОРа. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://polit.ua:8080>,

- свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 15.05.2011).
- Дискин И.Е.** (2003). Модернизация российского общества и социальный капитал // *Мониторинг общественного мнения*. № 5–6 (67–68).
- ИПР** (2010). Социальные настроения в крупных городах Казахстана в кризисный период. Алматы: Институт политических решений (ИПР). [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.ipr.kz/images/projects/reports/20110630.zip>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 17.08.2011).
- Исполнительный комитет СНГ** (2011). Информация о социально-экономическом развитии и торгово-экономических отношениях государств – участников СНГ в 2010 году. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.cis.minsk.by/page.php?id=18858>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 20.08.2011).
- Кузьминов Я.И.** (2011). Новая социальная политика и развитие инфраструктуры должны стать главными инструментами роста. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://strategy2020.rian.ru/news/20110823/366128697.html>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 24.08.2011).
- Лапин Н.** (2011). Модернизация с человеческим лицом. Доклад на XII *Международной конференции по проблемам развития экономики и общества*. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.hse.ru/news/extraordinary/28382626.html>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 17.04.2011).
- Левада-Центр** (2010). Решение социальных проблем важнее, чем новые технологии [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.levada.ru/press/2010111900.html>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 19.11.2010).
- Левада-Центр** (2011). Россияне о проекте «Сколково» и модернизации страны. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.levada.ru/press/2011042601.html>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 30.04.2011).
- Макеев С.** (2011). О надежде на средний класс говорить не приходится. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://dialogs.org.ua/dialog.php?id=3&op_id=89#89, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 14.08.2011).
- Можарова В.В.** (2011). Система непрерывного образования взрослого населения Казахстана как фактор роста человеческого капитала. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.kisi.kz/site.html?id=8413>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 05.08.2011).
- Садовая Е.С.** (2010). Формирование социальной базы реформ как предпосылка успешной реализации модернизационного проекта в России. В сб.: *«Модернизация, авторитаризм и демократия. Сборник материалов конференции»*. М.: ИМЭМО РАН.
- Соколова Г.** (2010). Состояние и возможности развития среднего класса в Беларуси // *Общество и экономика*. № 7–8.
- Статкомитет СНГ** (2008). Проблемы оплаты труда в странах СНГ и позиция профсоюзов этих стран // *Общество и экономика*. 2008. № 5.
- Статкомитет СНГ** (2009). Социально-экономическое положение стран Содружества Независимых Государств в 2008 году // *Общество и экономика*. № 3.
- TransMONEE Database** (2011). [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.transmonee.org/downloads/EN/2011/tables_TransMonee_2011.xls, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: 23.06.2011).
- World Bank** (2011). [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: 01.07.2011).
- World Economic Outlook Database** (2011). [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2011/01/weodata/index.aspx>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: 01.07.2011).

Поступила в редакцию 31 августа 2011 г.